

ВОСЬМОЙ ПАССАЖИР

Игорь Таланов

Восьмой пассажир

<https://litres.ru/73854019>

SelfPub; 2026

Аннотация

Апрель 1912 года. Молодая стенографистка Клара Вейс поднимается на борт трансатлантического лайнера с единственным поручением: доставить рукопись своего работодателя нью-йоркскому издателю. Рукопись она не читала, не в ее правилах. Когда корабль идёт ко дну, Клара успевает занять место в спасательной шлюпке вместе с шестью незнакомцами: военным врачом, певицей со скрытым прошлым, пожилым часовщиком, супругами, бегущими от опасности, и юношей без багажа и объяснений. Она считает людей в шлюпке. Семеро. Считает снова на рассвете. Восемь.

Восьмой знает их имена. Знает то, что они никому не рассказывали. Говорит тихо, без нажима — и знает о каждом. Он не объясняет, кто он и откуда. Он просто есть — в углу шлюпки, среди ледяной воды и отчаяния.

История о кораблекрушении, шлюпке и восьмерых выживших, один из которых не мог там оказаться.

Содержание

Глава 1. Семеро за столом	4
Глава 2. Первый день	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игорь Таланов

Восьмой пассажир

Глава 1. Семеро за столом

Клара Вейс никогда не опаздывала.

Это было не достоинство и не привычка — это было устройство её характера, такое же неизменное, как цвет глаз или почерк. Она приходила раньше, садилась тихо, открывала блокнот и ждала, пока начнут говорить другие. Стенографисты существуют на краю чужих историй — достаточно близко, чтобы слышать всё, достаточно далеко, чтобы не мешать. Клара освоила это искусство в двадцать лет и с тех пор носила его в себе, как носят хороший инструмент: бережно и аккуратно.

На борт она поднялась за сорок минут до отхода.

Саквояж был один — кожаный, тёмно-коричневый, с латунными застёжками. Внутри: два платья, смена белья, блокноты, карандаши, жестяная коробочка с аспирином и рукопись Генриха Бруна, завёрнутая в вощёную бумагу и уложенная на самое дно, под всё остальное. Рукопись Клара не читала. Брун не просил, она не спрашивала.

Каюта оказалась маленькой, но с иллюминатором. Клара поставила саквояж у изголовья, присела на край кровати и

посмотрела на воду. Апрель снаружи был серым, деловитым, пах углём и верёвками. На причале шумели грузчики. Чайка сидела на перилах и смотрела на неё в ответ — без интереса, вскользь.

Клара открыла блокнот. Написала дату. Больше ничего.

Генрих Брун остался в Гамбурге — врачи не рекомендовали долгих переездов, сердце сдавало уже второй год. Он попрощался с ней в дверях своего кабинета, в окружении рукописей и запаха табака, который, казалось, пропитал все стены насквозь.

— Доставьте Харрингтону лично, — сказал он, имея в виду нью-йоркского издателя. — Не оставляйте на столе, не передавайте через секретаря. Лично.

— Я понимаю, — сказала Клара.

— Я знаю, что вы понимаете. Именно поэтому прошу вас, а не кого-то другого.

Он протянул ей руку — сухую, с выступающими венами, с пятнами чернил на указательном пальце. Клара пожала её. Брун кивнул и вернулся к столу — туда, где его ждала следующая рукопись.

За обеденным столом первого вечера их оказалось семеро.

Клара пришла раньше остальных, пришла — и заняла место у края, спиной к переборке, лицом к залу. Старая привычка: видеть всех, самой быть незаметной. Официант принёс меню. Она открыла его и сделала вид, что читает.

Они появлялись по одному.

Первым — мужчина лет пятидесяти, который вошёл так, как входят люди, привыкшие к тому, что пространство перед ними расступается. Высокий, прямой, в тёмном костюме без украшений. Он сел напротив Клары, положил руки на стол — и она увидела его руки прежде, чем его лицо. Руки хирурга: крупные, с белыми шрамами на фалангах, слишком аккуратно вымытые. Потом лицо: резкие черты, глубоко посаженные глаза с тёмными кругами. Взгляд человека, который видел слишком много и давно уже не смотрит мимо чужой боли — он её замечает, систематизирует и несёт дальше.

Он заказал бургундское.

Доктор, — подумала Клара. Военный. Возвращается.

Следом — молодая женщина в синем платье с оборками, слишком тщательно подобранными для такого путешествия. Красивая той заострённой красотой, которая бывает у людей, постоянно следящих за собой — не из тщеславия, а из страха. Она улыбнулась официанту, спросила о рыбе, упомянула Вену — мимоходом, как упоминают то, что должно быть известно и без слов.

— Вы из Вены? — спросила Клара, просто чтобы услышать ответ.

— Да, — сказала женщина. И на секунду — совсем на секунду — запнулась. Глаза ушли чуть в сторону, как уходят у людей, которые что-то не договаривают.

— Красивый город, — сказала Клара.

— Очень, — согласилась женщина. И больше о Вене не говорила.

Маргарита Зоре, — значилось в карточке у её прибора. Певица, догадалась Клара. От нее веяло сценой, руки чуть вытянутые, привыкшие к жесту. И в голосе — даже в коротком «очень» слышалась обработанная, поставленная глубина.

Потом — пожилой мужчина, маленький, сухощавый, с серебряной цепочкой в петлице. На цепочке висело увеличительное стекло — не для красоты, для дела. Он сел, расправил салфетку, поставил перед собой маленькие карманные часы и начал внимательно их осматривать. Делал всё это неторопливо, с точностью, которая бывает только у людей, проживших жизнь в мире механизмов.

— Эмиль Краус, — представился он, ни к кому особо не обращаясь. — Часовщик. Из Берлина.

— Клара Вейс, — ответила она. — Стенографистка.

— Хорошая профессия, — сказал Краус, и в этом не было ни иронии, ни снисхождения. Только констатация. — Слушать — это умение.

Он замолчал и занялся меню. Больше в тот вечер не произнёс ни одного лишнего слова.

Супруги пришли вместе — и это было заметно даже до того, как они сели рядом. Что-то в том, как они двигались: не слаженно, а синхронно, как два механизма, давно работающие в паре и знающих друг друга насквозь. Он — Па-

уль Хоффманн, широкоплечий, темноволосый, с аккуратными усами и усталостью в углах рта. Она — Анна, светлее его во всём: волосами, взглядом, жестами. Красивая тихой, спокойной красотой.

Они сели, переглянулись коротко — и Клара поняла: это не просто взгляд супругов за ужином. Это сигнал. Держимся. Всё хорошо. Мы справимся. Такой взгляд бывает у людей, которые несут что-то вместе и решили нести это до конца.

Бегут, — подумала Клара. Потом поправила себя: Едут. Уезжают. Это разные вещи. Хотя иногда — одно и то же.

Последним появился юноша.

Лет восемнадцать, не больше. Без багажа — она отметила это сразу, профессиональная привычка. Никакого саквояжа, никакой сумки. Пальто — хорошее, но не новое. Лицо открытое, с тем особенным выражением, которое со временем уходит у большинства людей и почти никогда не возвращается: любопытство без тревоги.

— Феликс, — представился он, садясь на последнее свободное место.

— Куда едете? — спросил доктор. Не из интереса — из привычки собирать анамнез.

— Посмотреть, — сказал Феликс.

— На что?

— На всё, что будет.

Доктор посмотрел на него внимательно, потом вернулся к своему бургундскому. Маргарита улыбнулась — неожидан-

но тепло. Краус поднял голову от тарелки, осмотрел юношу и кивнул, как будто тот сказал что-то вполне разумное.

Ужин был хорош. Разговор — такой, каким бывает разговор незнакомых людей за общим столом: скользит по поверхности, касается безопасных тем, никуда особо не идёт. Погода. Маршрут. Что говорят о Нью-Йорке. Краус рассказал короткую историю про часы, которые шли на три секунды быстрее в дождь, — почему-то это оказалось смешно, и все засмеялись, даже доктор. Маргарита спела два такта из чего-то лёгкого, итальянского, когда разговор зашёл об опере, — просто так, между делом, и у неё был очень хороший голос.

Клара слушала. Замечала. Записывала в уме.

Казалось, что каждый из них несёт что-то невидимое. Скрытое. Которым не хочет делиться.

Она не стала думать об этом дольше. Это не её дело. Она стенографист, а не романист.

После ужина она вернулась в каюту, достала блокнот, написала несколько строк — ничего важного, просто чтобы рука не забывала — и легла спать. Саквояж стоял у изголовья. В нём, под двумя платьями и жестяной коробочкой с аспирином, лежала рукопись Генриха Бруна в вощёной бумаге.

Клара не открывала её.

Она уснула быстро. Засыпать она тоже умела — профессиональная привычка: использовать каждую паузу.

Проснулась от крена.

Не от звука — от того, как изменилось пространство вокруг. Едва заметно, просто мир сдвинулся на несколько градусов в сторону, куда не должен был сдвигаться. Как сдвигается картина на стене, когда в доме оседает фундамент. Сама по себе — мелочь. В контексте — нет.

Клара лежала и слушала.

В коридоре слышались шаги. Быстрые, не ночные. Чей-то голос, короткий, приказной. Потом другой голос, выше. Потом тишина, но не та тишина, которая бывает ночью в море, — другая, натянутая, как кожа на барабане перед ударом.

Она встала. Оделась. Вышла в коридор.

Коридор пах странно — тонко, едва уловимо, но она почувствовала сразу: так пахнет вода там, где её не должно быть. Стюард в конце коридора говорил с кем-то вполголоса, и у него было лицо человека, который знает больше, чем скажет.

На лестнице — люди в ночных халатах, испуганные, растерянные, с детьми и без. Кто-то спрашивал. Кто-то отвечал. Слова проходили мимо Клары, не задерживаясь — она поняла главное и без слов. Вернулась в каюту и взяла саквояж.

На шлюпочной палубе был ветер и хаос.

Она не помнила потом, как именно попала наверх. Помнила фрагменты: чужой локоть в бок, фонарь, качающийся над головой, голос матроса — командный, надорванный. Помнила, как кто-то шёл против толпы, и этим кем-то был доктор Рейс: он возвращался вниз за пожилой женщиной,

усаживал её в шлюпку, шёл снова. Снова. Снова. С лицом человека, у которого нет права останавливаться.

Помнила Крауса — он стоял у борта совершенно неподвижно. Смотрел на воду. Не с ужасом — с той особой сосредоточенностью, которая бывает у людей, когда они понимают: сейчас важно не паниковать, а думать.

Феликс появился рядом с Кларой так, как появляются люди, которых ждёшь и не ждёшь одновременно. Молча взял её за локоть — не грубо, направляюще — махнул в сторону шлюпки и предложил идти. Она не сопротивлялась. Он знал, куда им нужно.

Посадка была короткой и жестокой, как бывает жестоко всё, в чём нет времени на вежливость. Клара не помнила, как оказалась внутри. Помнила только: один момент — борт лайнера уходит вверх и громкий удар о воду, и трос скрипит, и вода внизу чёрная и абсолютно гладкая.

Семеро.

Она сосчитала машинально, профессиональная привычка считать людей в комнате. Семеро в шлюпке: она, доктор Рейс, Маргарита, Краус, Анна, Пауль, Феликс.

Лайнер возвышался рядом — огромный, нелепо накренившийся, всё ещё горящий иллюминаторами. Он смотрелся так, как не должны смотреться корабли: не властно и уверенно, а беспомощно, как что-то очень большое, которое разучилось держаться на плаву.

Потом огни погасли разом.

Потом был звук ломающихся конструкций и умирающего металла.

Клара не стала бы описывать этот звук никому и никогда. Некоторые вещи не переходят в слова — они остаются в теле, в костях, в том месте за грудиной, где живёт всё, чему нет названия. Звук был таким. Он был, и потом его не стало, и на его месте осталась тишина — полная, ватная, как после взрыва.

Атлантика в апреле пахнет солью и холодом. Больше ничем.

Холод пришёл сразу — не постепенно, не нарастая, а весь и сразу, как стена. Мокрая одежда стала коркой. Зубы у некоторых застучали. Маргарита плакала тихо, зажав рот рукой. Краус молился — или считал, — губы двигались без звука. Рейс осматривал каждого по очереди: пульс, зрачки, дыхание, — делал это спокойно и деловито, потому что не мог не делать хоть что-то.

Бочонок воды. Деревянный ящик с галетами. Весла. Упаковки со спас-жилетами. Фонарь без масла.

И ещё — на дне шлюпки, среди мокрых верёвок и смятой парусины — маленький компас. Он лежал там, отвалившийся от крепления, никому не нужный. Клара увидела его случайно, когда нагнулась поправить саквояж. Подняла. Стрелка дрожала от холода или от качки, но держала направление. Она сжала компас в кулаке и убрала в карман.

Они прижались друг к другу — не от близости, от холо-

да. Спинами, боками, плечами. Анна прислонилась к Паулю. Маргарита — к Анне. Клара оказалась рядом с Краусом, и старый часовщик, не говоря ни слова, накрыл её руку своей сухой ладонью — просто так, как накрывают, когда нет слов, но надо дать понять: я здесь.

Крики с воды затихли не сразу.

Когда затихли — стало тише, чем должно быть в мире.

Феликс дремал, свернувшись в три погибели, завернув лицо в воротник. Рейс смотрел в воду — туда, где ничего не было видно, но он всё равно смотрел. Краус заснул сидя, уронив голову на грудь. Маргарита перестала плакать и просто молчала.

Клара не спала.

Она смотрела на звёзды — яркие, равнодушные — и думала о том, что некоторые вещи слишком большие, чтобы уместиться в голове. Тогда голова просто останавливает ход мыслей и начинает просто быть. Просто дышать. Просто считать звёзды.

Постепенно все заснули.

Рассвет пришёл медленно и без торжества — просто темнота начала бледнеть, как чернила в воде.

Клара ещё не спала. Или уже проснулась — она не была уверена.

Голос она услышала раньше, чем повернулась.

Низкий. Немного хриловатый от холода. Спокойный — не наигранно спокойный, а по-настоящему, изнутри.

— Доброе утро. Простите, что не представился — вы спали, не стал будить.

В углу шлюпки — там, где вечером никого не было — сидел человек.

Мужчина лет сорока. Тёмные волосы прилипли ко лбу. Одежда мокрая, простая — без каких-либо знаков, без украшений, без всего, что могло бы указать на происхождение или положение. Лицо правильное, с ровными чертами, которые не запоминаются в толпе — не потому что невыразительные, а потому что в них нет ничего лишнего.

Глаза — карие. С лёгкой тенью усталости. И ещё что-то — что-то, что Клара не сразу смогла назвать, а потом назвала так: он смотрел на них всех так, как смотрят люди, которые уже знают, чем всё кончится. И это знание не пугало его — оно его просто было.

Краус просыпался медленно — открыл глаза, посмотрел на незнакомца без удивления, кивнул. Хорошо, что выбрался. Рейс, военный инстинкт, сразу потянулся проверить пульс — холодный, но ровный. Маргарита смотрела на него молча, с тем выражением, когда не знаешь, что сказать, и потому не говоришь ничего. Феликс открыл глаза, посмотрел — и кивнул. Как будто давно знал.

— Меня зовут Томас, — сказал он просто.

— Как вы здесь оказались? — спросила Клара. Не с подозрением — с той аккуратной прямоотой, которая бывает, когда не хватает сил на хождение вокруг.

— Держался за обломок, — сказал он. — Нашёл канат у кормы. Забрался. Вы все спали — не хотел будить.

Пауль нахмурился: — Мы бы услышали.

— Все очень устали, — сказал Томас. — старался не шуметь.

Что-то в этом ответе было такое, что Пауль не стал возражать. Просто замолчал.

Клара посмотрела на него ещё раз — внимательно, как смотрит человек, привыкший замечать то, что не произнесено. Что-то было в нём. Она не знала что. Не могла назвать.

Потом посчитала людей в шлюпке.

Восемь.

Клара посмотрела на Томаса. Он смотрел на горизонт — туда, где небо начинало светлеть.

Солнце поднялось над водой — плоское, апрельское, без тепла. Атлантика была серой и спокойной, как будто ничего не произошло. Будто так и должно быть: восемь человек в шлюпке, звёзды, уходящие за горизонт, и один из них — тот, которого не было вечером.

В кармане у Клары лежал маленький компас. Стрелка дрожала. Но держала направление.

Север.

Всегда север.

Глава 2. Первый день

Солнце взошло, и Атлантика встретила их тишиной.

Это была не та тишина, что бывает ночью, полная скрытых звуков и невысказанного ужаса. Другая - плоская, гулкая, как пустой жестяной лист. Море лежало вокруг во все стороны света, серое и равнодушное, и на нём не было ничего: ни дыма, ни паруса, ни тени на горизонте.

Клара сидела, привалившись спиной к мокрому борту, и смотрела на светлеющее небо. Тело за ночь одеревенело и перестало чувствовать холод как что-то острое - теперь он был просто фоном, условием существования. Она поднесла руку к лицу и с трудом разогнула пальцы. Кожа была белой, с синеватым оттенком у ногтей. Она знала: это плохо. Просто не было сил тревожиться об этом сверх меры.

Рядом зашевелился Краус. Спал он сидя, уронив голову на грудь, и теперь разгибался медленно, с тем осторожным достоинством, с каким старые люди возвращаются в тело после сна. Часы на цепочке выскользнули из кармана и повисли в воздухе, покачиваясь в такт шлюпке. Краус поймал их, глянул на циферблат, кивнул каким-то своим мыслям и убрал обратно.

- Который час? - спросила Маргарита. Голос у неё был осипший, надтреснутый, без той поставленной глубины, что звучала вчера за ужином.

- Седьмой, - ответил Краус.

Доктор Рейс уже не спал - Клара не была уверена, спал ли он вообще. Он сидел прямо, положив руки на колени, и смотрел на воду тем взглядом, которым смотрят не на море, а в ожидании. Как будто где-то там, за горизонтом, должен был появиться пациент, и Рейс ждал его, готовый действовать. Клара подумала: он не умеет иначе. Даже здесь.

- Нужно понять, что у нас есть, - сказал Рейс негромко. - Вода. Еда. Если повезёт - сигнальные средства.

- Фонарь без масла, - отозвался Пауль. - Я смотрел ночью. Ещё два весла, бочонок воды, ящик с галетами и спасательные жилеты. Всё.

- Значит, будем жить с тем, что есть, - сказал Рейс.

Клара открыла саквояж. Внутри, под мокрым платьем и жестяной коробочкой с аспирином, по-прежнему лежала рукопись в вощёной бумаге. Она коснулась её кончиками пальцев - бумага была сухой. Воск выдержал. Чужое слово цело.

Она закрыла саквояж и повернулась к остальным.

- Я могу вести учёт, - сказала она. - Воды и галет. Чтобы знать, на сколько хватит.

Рейс посмотрел на неё. Потом кивнул коротко, по-военному:

- Добро. Раз в день - проверка. Никакой самодеятельности с порциями. Кто начнёт пить больше своей доли – сократит запасы остальных.

- Я не начну, - тихо сказала Маргарита, и в этом «я» было что-то такое, отчего все на секунду замолчали. Она не оправдывалась - она ставила себя первой в списке тех, кому не доверяет.

Клара достала блокнот из саквояжа. Карандаш. Открыла чистую страницу.

- Семеро, - сказала она и запнулась.

Восемь.

Она подняла голову. Томас сидел на том же месте, в углу шлюпки, где она увидела его на рассвете. Сейчас, при полном свете, он казался ещё более... обыкновенным. Именно обыкновенным - не бледным, не измождённым, не отмеченным ничем, что бросалось бы в глаза. Тёмные волосы высохли и лежали ровно. Одежда - простая, без знаков - сидела на нём так, будто он не провёл ночь в ледяной воде, а вышел из дома час назад. И глаза. Карие, спокойные, с лёгкой тенью усталости. Клара снова поймала это выражение: он смотрел на них так, как смотрят люди, которые уже знают, чем всё кончится. И не боятся.

- Восемь, - поправились она вслух. И записала.

Томас чуть заметно кивнул - не ей, кажется, а самому себе. Или морю.

Утро тянулось долго. Холод не отступал, но свет давал иллюзию тепла, и люди начали говорить - не потому что хотели, а потому что молчание в открытом море невыносимо. Оно звучит громче любой речи.

Первым заговорил Краус. Он достал из кармана те самые часы - маленькие, серебряные, с потёртым циферблатом - и начал заводить. Делал это медленно, с той особой точностью, которая бывает только у людей, проживших жизнь в мире механизмов.

- Пока идут - всё в порядке, - сказал он ни к кому не обращаясь.

- А если остановятся? - спросил Феликс.

Краус посмотрел на него поверх стёкол.

- Тогда я их заведу снова. Часы не останавливаются насовсем, юноша. Они просто ждут, пока кто-то о них вспомнит.

Феликс улыбнулся. У него была странная улыбка - не весёлая, а какая-то... знающая. Как будто он понял что-то, чего Краус не сказал вслух.

Маргарита пошевелилась в своём углу. Синее платье с оборками, такое тщательно подобранное для путешествия, теперь висело на ней бесформенной тряпкой. Она смотрела на свои руки - длинные, с аккуратными ногтями, привыкшие к жесту - и молчала.

- Вы пели вчера, - сказала Клара, просто чтобы разбить тишину. - За ужином.

- Два такта, - ответила Маргарита.

- У вас очень хороший голос.

Маргарита подняла голову. На секунду в её лице мелькнуло что-то - не благодарность, сложнее. Как будто она услышала слово из языка, который давно не звучал.

- Я пела в Вене, - сказала она. - В маленьком театре на Фаворитенштрассе. Вероятно вы не слышали про эту улицу.

- Знаю, - спокойно сказал Краус.

Маргарита вздрогнула.

- Там нет театров, - продолжал часовщик, не поднимая головы от часов. - Там только пекарня и скобяная лавка. Я жил в Вене двенадцать лет.

Пауза повисла в воздухе - тонкая, как натянутая струна. Маргарита открыла рот. Закрыла. Потом сказала - тихо, почти шёпотом:

- Я не... я не там пела. Я просто...

- Вы просто хотели сказать, что были в Вене, - закончил Краус. - Этого достаточно.

Он сказал это без упрёка. Так, как говорят старые люди, которые давно перестали судить других за попытку быть не теми, кто они есть. Маргарита отвернулась к борту. Плечи у неё дрожали, но Клара не была уверена - от холода или от чего-то ещё.

Анна и Пауль сидели рядом, плечо к плечу, и почти не участвовали в разговоре. Клара наблюдала за ними краем глаза: Анна время от времени касалась руки мужа - коротко, почти машинально, - и он отвечал тем же. Это были сигналы. Держимся. Всё хорошо. Мы справимся.

Клара подумала: они бегут. Потом поправила себя: бежали. Теперь они здесь, и бежать больше некуда, и это, как ни странно, делает их спокойнее.

Она хотела спросить - но не спросила. Не её дело. Она стенографист, а не следователь.

Феликс тем временем перегнулся через борт и смотрел в воду. Солнце поднялось выше, и в глубине, под серой поверхностью, угадывалось какое-то движение - не рыба, не тень, просто игра света. Или что-то ещё.

- Что ты там видишь? - спросила Клара.

- Ничего, - ответил Феликс.

Он выпрямился и посмотрел на неё. Глаза у него были светлые, с тем особенным выражением, которое у большинства людей уходит к двадцати годам и почти никогда не возвращается. Любопытство без тревоги.

- Ты не боишься? - спросила Клара.

- Боюсь, - сказал Феликс. - Но не так, как надо.

- А как надо?

- Не знаю. Как все.

Клара не нашлась с ответом. Феликс снова отвернулся к воде.

К полудню холод немного отступил - или им только показалось. Солнце стояло в зените, и шляпка превратилась в маленький деревянный мирок, подвешенный между небом и бездной. Клара раздала по глотку воды. Каждому - ровно глоток, не больше. Она отмеряла на глаз, стараясь, чтобы выходило справедливо.

Томас принял свою долю последним.

- Спасибо, - сказал он. И ничего больше.

Она заметила, что он почти не двигается. Сидит в своём углу, смотрит на горизонт и не делает попыток согреться - не трёт руки, не ёжится, не прижимается к соседям. Как будто ему не нужно. Как будто тепло и холод - это условия, которые он принимает, но которыми не управляет.

- Вы когда-нибудь спите? - спросила она тихо, когда остальные отвлеклись.

Томас повернул голову. Карие глаза встретились с её глазами.

- Я отдохнул, когда забрался.

- Это было вчера.

- Мне хватило.

Она хотела спросить ещё - но не стала. Что-то в его голосе останавливало вопросы. Не угроза - скорее обещание, что ответ всё равно будет не тем, которого она ждёт.

Во второй половине дня Пауль заговорил.

Он молчал всё утро, и молчание это было не спокойным, а напряжённым - как у человека, который держит что-то внутри и боится, что оно вырвется. Теперь оно вырвалось.

- Нас не заметят, - сказал он. Голос у него был глухой, с той особой интонацией, когда человек не хочет, чтобы его утешали, а просто проговаривает факт. - Шлюпка слишком маленькая. У нас нет ни факела, ни ракеты, ни сигнального зеркала, ни чего-нибудь, чем можно подать знак. Кто увидит эту скорлупку в открытом море?

Он обвёл рукой горизонт - пустой, ровный, равнодушный.

Ветер шевелил его мокрые волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.